

Лариса Джейкман
В тихом омуте...

Лариса Джейкман

В тихом омуте...

«Издательские решения»

Джейкман Л.

В тихом омуте... / Л. Джейкман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930862-7

Меня часто мучают вопросы: что заставляет женщину быть изощренно коварной и плести паутину интриг? Как может современная, благополучная женщина пойти на преступление, ради чего? Что стоит за ее коварными замыслами: деньги, зависть, любовь или ненависть? Ответить на эти вопросы трудно, но приподнять завесу, красивую вуаль, которая, порой, удачно прикрывает жизнь некоторых «ангельских созданий», все же стоит. А может права народная мудрость, когда гласит, что в тихом омуте черти водятся?

ISBN 978-5-44-930862-7

© Джейкман Л.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ТИХИЙ ОМУТ	11
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В тихом омуте...

Лариса Джейкман

© Лариса Джейкман, 2018

ISBN 978-5-4493-0862-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Страшный конец этой печальной истории

Ниночка Кудрявцева спешила домой. Было уже около восьми вечера, солнце давно село, и становилось прохладно. Она шла по пустынному переулку с маленьким чемоданчиком и размышляла о своей поездке.

«Почему же они все-таки отправили меня в отпуск сейчас? В конце концов это мое дело, когда его брать, и никто больше не заставит меня сделать это в марте, в самую отвратительную пору. Нет уж!»

Она глубоко вздохнула и, приняв твердое решение, успокоилась. Придя домой, Ниночка с удивлением обнаружила, что мамы нет дома.

«Странно, где она? Ни записки, ни сообщения. Ничего не понимаю», – сказала она сама себе и отправилась на кухню. Ей сразу же бросилась в глаза немытая посуда в раковине, кастрюлька с прокисшим молоком на плите и слой пыли на подоконнике, на котором слегка поникли давно не поливавшиеся цветы. Но что ее удивило больше всего – это дата, обозначенная на листке отрывного календаря: 22 марта.

«Так что же это такое? Ее уже почти неделю дома нет?» – Ниночка опешила. Это было более, чем странно.

Ольга Вениаминовна, Нинина мама, работала директором цветочного магазина в центре города, который закрывался в шесть часов вечера, и к семи она обычно была дома. У нее иногда случались командировки, и один раз в год она ездила в отпуск в Севастополь к своей двоюродной сестре Любе.

«Я так люблю этот красивый белый город! Может, надо было переехать туда раньше? А может и сейчас еще не поздно?» – говорила она Нине уже несколько раз, и дочь перестала обращать внимание на ее слова.

«Это только мечты, никуда она не поедет», – думала Нина, а вслух говорила:

«Мама, если хочешь, езжай. Каждый вправе жить там, где ему хочется».

На этом обычно тема переезда Ольги Вениаминовны в Севастополь исчерпывалась.

Ниночка стояла на кухне, растерянно оглядывалась по сторонам и рассуждала: «Уехать она не могла, я бы знала об этом. Отпуск у нее в сентябре. В командировке она была перед восьмым марта, отправляла из Сочи вагон с мимозами. Что же случилось?»

Ниночка недоумевала и изрядно волновалась. Обе стрелки часов неумолимо приближались к цифре двенадцать, когда Нина решила позвонить Антону.

Антон Ашхабадов, бывший муж Нины, жил со своей новой женой на другом конце города. Ниночка очень переживала, когда развелась с мужем, которого она безумно любила когда-то. Но их брак оказался, увы, несчастлив. Антон мечтал о сыне, а Ниночка не смогла родить ребенка. Врачи разводили руками и недоуменно пожимали плечами: никакой патологии, все в норме. Случай из ряда вон выходящий, четыре беременности закончились выкидышем на шестой неделе без каких бы то ни было видимых причин.

Однажды вечером Антон позвонил домой и сказал, что не придет ночевать. Объяснять он ничего не стал, но Нина поняла, что ее час одиночества пробил. Она не ошиблась. Примерно через неделю Антон признался жене, что вынужден с ней расстаться, сказав при этом:

«Нина, дорогая моя, прости, если сможешь. У нашей семьи нет будущего. Я не могу так. Моя мечта – сын. Без него я не вижу смысла своей жизни».

«Может, мы сможем усыновить мальчика?» – робко спросила Ниночка тихим голосом, глотая горькие слезы.

«Нет, это исключено! Чужой ребенок – как кот в мешке. Неизвестно, какая у него наследственность, и что из него вырастет. Мы угробим на него двадцать лет своей жизни, а он потом промотает все, нажитое нашим непосильным трудом и ради чего?»

Нина повернулась и вышла из комнаты. Она поняла, нутром ощутила всю безнадежность своих дальнейших попыток удержать мужа. Антон ушел на следующий день. Он оставил свой номер телефона на случай, если что-то случится, и им с Ольгой Вениаминовной понадобится помощь.

Новая жена Антона Алиса была дочкой высокопоставленного лица. Ее отец занимал солидное положение в городских административных кругах, и Алиса имела роскошную квартиру на набережной, куда и переехал Антон.

Трудно было его осуждать, но и простить его в глубине души Нина тоже не могла. Она считала его поступок даже не изменой, а предательством. Но в данную минуту Нина забыла об этом. Ей нужна была помощь. Она надеялась, что Антон знает, где ее мама, и, если ей пришлось спешно уехать, то она наверняка сообщила об этом своим лучшим друзьям – родителям Антона.

Ниночка дрожащей рукой набрала номер и стала ждать. Трубку взяла Алиса. Ниночке Алиса нравилась. Высокая, стройная, красивая, и голос у Алисы был замечательный: мягкий и бархатистый. К тому же Алиса всегда была приветлива и разговаривать с ней Ниночке было даже приятно, если не помнить о том, что она жена ее любимого мужчины.

«Алиса, здравствуйте. Это Нина. Извините за поздний звонок, но у меня возникла проблема, боюсь, серьезная. Мне нужен Антон», – сказала Ниночка как можно спокойнее и вежливее.

«Здравствуйте, Нина. Что случилось?» – спросила Алиса участливо.

«У меня мама куда-то пропала. Я очень волнуюсь. Я понимаю, что Антон может и не знать...» – Нина не договорила, так как Алиса перебила ее.

«Антон тоже нет. У меня такое впечатление, что что-то случилось между ними. Я имею в виду Ольгу Вениаминовну, Антона и его родителей».

«А что могло случиться? Кто-то заболел?»

«Не знаю. Антон сейчас у них, я звонила туда час назад. Если хотите, позвоните сами, они еще не спят».

«Спасибо, извините еще раз».

Ниночка положила трубку и задумалась, глядя в одну точку и потирая виски.

Родители Антона, Валерия Максимовна и Михаил Аркадьевич Ашхабадовы, были лучшими друзьями Ольги Вениаминовны. Они дружили с юности, и поэтому Ниночка знала Антона всю свою жизнь, с самого детства. Он был старше ее на пять лет, но они часто проводили вместе свободное время, ходили в одну школу, где Антон всегда заступался за нее. Потом, когда Ниночка закончила институт, они поженились. Странно, но почему-то матери Нины и Антона были против их брака.

«Ну какие вы муж и жена? Вы же друзья с пеленок! Вот и дружите себе на здоровье, зачем жениться-то?» – спрашивали они.

Но молодые и влюбленные друг в друга Нина и Антон их доводов не принимали всерьез.

«Мамочка! Я не представляю себе своей жизни без него. Чем старше я становлюсь, тем больше люблю его, понимаешь?» – защищалась девушка.

Антон тоже убеждал мать, что Нина – единственная девушка, которую он любит по-настоящему.

«Мама, мне двадцать шесть лет. Я знаю, что я делаю. Поверь, у меня это серьезно».

Так они и поженились. Их брак действительно был бы счастливым, если бы у них были дети. Но судьба распорядилась по-другому.

Ниночка наконец собралась с силами и набрала номер Ашхабадовых. К телефону долго не подходили, потом наконец трубку взял Антон.

«Алло, Алиса, это ты?» – спросил он возбужденно, как будто только Алиса и должна волноваться о происходящем.

«Нет, это Нина. Здравствуй, Антон. Что происходит? Где моя мама?» – спросила Нина с обидой в голосе.

«А, это ты, сестренка! Ну здравствуй, маленькая. Ты по братику своему соскучилась? Или по нашей мамочке?» – Антон нес какую-то чушь.

«Антон, ты что, пьян?» – сокрушенно спросила Ниночка.

«Знаешь, чего я всегда в тебе не любил, с детства? Знаешь? Притворства! Ты вечно притворялась пай-девочкой, даже когда спала со мной с семнадцати лет, и то прикидывалась недоτροгой и строила из себя святую невинность!» – едко и злобно говорил ей Антон.

«Ты что, с ума сошел что ли?! Где моя мама?» – почти в истерике выкрикнула Нина.

«В Америку уехала. А для тебя что, это тоже новость? Или ты хочешь сказать, что первый раз в жизни про Америку слышишь?» – продолжал Антон свой несуразный бред, и Нина бросила трубку.

Она ужасно расстроилась. Антон никогда не разговаривал с ней так грубо. Но главное – почему? Что здесь произошло в ее отсутствие? Не у Алисы же узнавать в конце концов.

Ниночка сварила себе крепкий кофе, уселась в удобное кресло и стала размышлять: «Америка... причем здесь Америка? И что я должна была знать? Нет, все-таки я не понимаю. Хотя...»

Нина вспомнила, что ее мама имела какого-то друга по переписке из штата Калифорния. Они переписывались много лет, хотя письма приходили крайне редко, два-три раза в год, не чаще. А когда они переехали на новую квартиру, письма и вовсе приходиться перестали. Так что уже лет пять, если не больше, никакой переписки.

Ниночка попыталась вспомнить, что она знала об этом человеке, но ей не многое удалось. Она знала о нем весьма поверхностно, даже не помнила, как его зовут. Где и как они познакомились, Ниночка не знала, да и какое это имеет значение? Еще она знала, что он был певцом и, кажется, довольно знаменитым, немного снимался в кино, много путешествовал по миру, и мама хранила у себя пару его фотографий. Мама, по-видимому, очень дорожила этой дружбой, но она всегда избегала разговоров на эту тему, и вскоре Ниночка потеряла к этому всякий интерес.

«Ну и что? Друг по переписке есть почти у каждого человека. Может, он в Москву приехал, и мама решила с ним встретиться?» – размышляла Ниночка и не находила ответов на свои вопросы.

Она решила с утра сходить к Ашхабадовым, поговорить и разобраться в происходящем.

* * *

Утром, в такси, Нина почувствовала вдруг страшную тревогу и беспокойство.

«Может, мне не надо к ним ехать?» – подумала она, когда их машину остановил дорожный патруль.

«Здесь проезда нет. В объезд, направо», – скомандовал гаишник.

«А что случилось? Почему?» – спросил водитель.

«Не задерживайте движение, проезжайте...»

«Да не надо мне в объезд! Тут два шага пешком. Высадите меня», – сказала Нина, расплатилась с шофером и вышла из машины.

Она заметила, что часть улицы оцеплена, вдоль тротуара стоят несколько милицейских машин, и собралась небольшая толпа любопытствующих.

Ниночка подошла к этой толпе и поинтересовалась, что случилось. Ее мучили дурные предчувствия.

«Женщину нашли мертвую в канализационном люке. Кто-то убил ее и сбросил туда», – ответила ей пожилая дама, держащая на поводке маленькую собачку, которая противно повизгивала.

Жгучий, липкий комок образовался где-то у Нины внутри, медленно поднимаясь вверх и подбираясь к горлу, он вызывал у нее чувство тошноты и неосознанного страха.

«Пустите меня, пустите, мне надо посмотреть! Пустите!» – вдруг громко и с надрывом заговорила Нина и вырвалась из толпы вперед, почти бегом направляясь к открытому люку.

Ее не удерживали. Она подошла, опустила на колени и стала всматриваться в темную, пахнущую зловонной тиной глубину колодца. Кто-то посветил фонариком, и Нина истошно закричала.

На дне темного колодца в грязной вонючей жиже она увидела свою маму. Тело бедной женщины казалось совсем окоченевшим, одна нога согнута в колене, рука неестественно вывернута, голова откинута набок. Ее рот был слегка приоткрыт и казалось, что синюшные неживые губы застыли во время отчаянного крика.

«Убита ударом по голове, кровь запеклась в волосах», – услышала Нина чей-то голос и попыталась убежать.

Она отскочила от этого страшного места, но тут же споткнулась, упала навзничь и начала отчаянно рыдать, понимая, что сейчас с ней случится истерика.

Ее подняли и повели к машине «Скорой помощи», неизвестно зачем прибывшей сюда. Помогать тут было некому, разве что несчастной Нине.

С этого момента ее жизнь превратилась в сплошной кошмар, состоящий из череды вопросов, расспросов, допросов, между которыми бедная женщина иногда впадала в тяжелое забытие. Потом она очутилась в больнице как пациент с тяжелейшим нервным расстройством, с перерезанными венами при попытке самоубийства.

В таком состоянии Нину, якобы совершенно случайно, обнаружила Алиса, пришедшая к ней домой, чтобы «чуть-чуть поддержать морально», как она сама выразилась.

«Да что вы за люди за такие?» – говорила она Антону. – «Бросили человека на произвол судьбы в такой горе и даже помочь ничем не хотите. Нина же не виновата ни в чем, ты ведь это понимаешь».

Но Антон ее и слушать не хотел. Он гневно возражал:

«Я не верю, что она была не в курсе всей этой чудовищной авантюры. Она все знала и молчала. Мамочку покрывала!»

«Антон, это все твои домыслы, поэтому оставь их при себе», – не соглашалась с ним Алиса и несколько раз ходила навещать Нину.

Антон не понимал, почему она ходит туда и сочувствует его первой жене. Он знал, что Алиса хороший, добрый и чуткий человек, но не до такой же степени.

Когда в их семье разразился страшный скандал, и на поверхность всплыли старые страшные тайны и козни, в коих основным виновником он считал теперь уже погибшую Ольгу Вениаминовну, Антон так решительно и заявил:

«В тихом омуте черти водятся. Ненавижу ее, лживую, фальшивую и двуличную. Уверен, что и дочь ее, Ниночка, той же породы. Такая же тихоня с камнем за пазухой».

Но он был неправ. Ниночка не знала ничего о проблемах своей семьи. Она понятия не имела, кто был ее отец, так как мать никогда не говорила ей о нем. Она не знала в каком кровном родстве она состоит с Антоном, и она не знала о том, что ее родная мать, погибшая от руки таинственного убийцы, совершила когда-то страшный грех, который наложил отпечаток на судьбы всех людей, замешанных в эту странную и запутанную историю.

Но жизнь диктует свои правила, и рано или поздно все тайное становится явным, как бы старательно это тайны не сохранялись их обладателями.

ТИХИЙ ОМУТ

ГЛАВА 2

Начало. Юность, мечты и грезы, первая любовь

Лето 1971 года выдалось на редкость сухим и жарким. Неимоверно палило солнце, было душно и нестерпимо хотелось дождя. Конечно, дождливое лето тоже не подарок, но и такая жара – это уж чересчур.

Оля Кудрявцева сидела дома и занималась. Она знала, как трудно поступить в институт, тем более в Москве. Тут ни шпаргалки, ни подсказки не помогут. К тому же Оля не блистала знаниями. Школу она закончила без троек, но на фоне ее приятелей выглядела тем не менее бледновато. Миша Ашхабадов, вечный круглый отличник, вытянул на золотую медаль, Лера Мостовская получила всего две четверки – сочинение и английский, а вот она, Ольга, всего одну пятерку – физкультура. Это выглядело позором, так как учились они с Лерой одинаково, а вот к финалу пришли, увы, по-разному.

Миша успокаивал Ольгу, как мог:

«Запомни, для девушки самое главное что? Правильно – красота. А будешь корпеть над учебниками сверх меры, потускнеешь».

Он был однозначно влюблен в нее. Стройная синеглазая Оля Кудрявцева нравилась большинству парней из их класса. Но она никак не могла сделать свой выбор и предпочесть кого-то. Впрочем, Миша Ашхабадов с его экзотической внешностью был, пожалуй, лучше всех. Но Оля отлично знала, что ее лучшая подруга Валерия Мостовская не то что влюблена, а любит ничего не подозревающего Михаила, и это останавливало Ольгу от проявлений симпатии по отношению к нему. К тому же Валерия была сравнительно новенькой в их классе и не мудрено, что она сходу влюбилась в этого высокого широкоплечего красавца с густыми черными волосами, глазами с поволокой и спортивной фигурой. А Оля знала его с первого класса, примелькался. И только его внимание и дружеское расположение к ней не оставляли ее совсем равнодушной, хотя сердце при виде него у девушки не екало.

Оля Кудрявцева и Лера Мостовская были на редкость разные и по характеру, и по темпераменту, да и внешне. Но их что-то сближало, притягивало друг к другу, как разнополярные магниты.

Обе девушки были из благополучных семей, но Лера жила с бабушкой. Отец Леры был военным высокого ранга. Они с матерью разъезжали по стране, как того требовала служба, и дочь возили за собой. Но когда Лера закончила седьмой класс, отца направили на долгосрочную службу на Новую Землю, и Леру было решено оставить с бабушкой, а не возить за полярный круг.

«Пусть закончит школу как следует, поступит в институт. А там видно будет», – рассудили родители.

Бабушка, Елизавета Ивановна, была несказанно рада, так как любила свою единственную внучку без памяти, а видела ее редко. Лере тоже пришлось по душе решение ее родителей. Она знала легкий и податливый характер бабушки и предчувствовала радость своего существования без воспитательных мер ее слишком строгих мамы и папы.

Оля Кудрявцева жила с отцом. Ее мама умерла, когда девочке было всего десять лет. Отец, Вениамин Александрович, заведующий отделом горисполкома, был заметной фигурой и хорошо известной личностью в городе. Он строго соблюдал приличия и не компрометировал себя ничем после смерти и похорон жены. Воспитывал дочь сам. Она росла очень тихой и застенчивой девочкой, но Вениамин Александрович относился к ней весьма прохладно. Она напоминала ему скромную, обаятельную Марту, его жену, которая угасла в расцвете лет, измученная тяжелой болезнью почек. Врачи не рекомендовали Марте рожать, но она настояла

на своем и в итоге лишилась здоровья, а позднее и жизни. Вениамин Александрович подосознательно винил в этом дочь, поэтому ни большой любви, ни тепла к ней не испытывал.

Михаил Ашхабадов был сыном главврача Центральной городской больницы имени Семашко. Потомственный врач, хирург, профессор кафедры хирургии медицинского института Аркадий Эдуардович Ашхабадов был человеком лояльным, уважающим интересы своих детей. Он не настаивал на том, чтобы сын стал врачом, раз у него другое призвание. Достаточно того, что его дочь Эля успешно заканчивала медицинский и была, как считал ее отец, прирожденным врачом.

Аркадий Эдуардович принципиально не переезжал с семьей в Москву, как его брат Валентин, а жил в дорогой его сердце провинции, так как здесь были его корни. Их потомки из поколения в поколение жили в этом тихом уголке России, и всегда мужчины в их семье были врачами.

Дедушка Аркадия Эдуардовича, Константин Порфирьевич Ашхабадов, был известным меценатом. Он открыл первое в их городе хирургическое отделение в маленькой провинциальной больничке в конце прошлого столетия, куда к нему приезжали лечиться даже из столицы. Поговаривают, что он был консультантом самого Шаляпина, который иногда наезжал к нему, чтобы проверить свое драгоценное горло.

Дружба с Шаляпиным помогла Константину Порфирьевичу встретиться и познакомиться со своей будущей женой Анфисой Лебедянской, одной из красивейших женщин театрального мира той эпохи. Анфиса, не раздумывая ни минуты, бросила Петербург и переехала к Константину Порфирьевичу Ашхабадову в его милое захолустье.

Ее портрет до сих пор висит в местном краеведческом музее, где она изображена в полный рост, с гордо поднятой головой, в черном бархатном платье, с жемчужным ожерельем на длинной изящной шее и с необыкновенно красивым одухотворенным лицом.

Итак, Ольга, Валерия и Михаил волею судьбы оказались рядом и подружились. Но их дружба вписывалась в весьма необычный треугольник. Оля и Лера были подругами, Миша примкнул к ним из-за Оли, а Лера влюбилась в Мишу.

Втроем они решили поехать в Москву поступать в институт. Правда здесь их дороги расходились. Михаил стремился в Мориса Тореза, куда и поступил с первого захода, а девушки сделали попытку в Московский кооперативный в Мытищах, но проходных баллов не набрали. Конкурс был сумасшедший, брали в основном москвичек и медалистов, поэтому Оля и Лера остались не у дел. Обе попереживали, но не долго.

Домой они не спешили и решили побыть немного в Москве, походить по театрам, музеям и скрасить Мише его одиночество. Тем более, им было, где жить. Они остановились в роскошной четырехкомнатной квартире Мишиного дяди Валентина. Он был профессором и работал в институте Склифосовского, но сейчас они с женой и детьми отдыхали в Паланге, поэтому с удовольствием предоставили свою жилплощадь любимому племяннику. Правда Валентин Эдуардович попросил тещу присматривать за ребятами.

И все-таки скоро нужно было уезжать. Удрученный расставанием Михаил уговаривал Ольгу:

«Оля, приезжай на следующий год. Подучишь, позанимаешься и поступишь, обязательно! Вот увидишь».

Но Оля не могла строить таких далеко идущих планов и неопределенно пожимала плечами. Лера же наоборот только об этом и мечтала.

«Жаль, что я в английском слабовата. А то позанималась бы годик – и к Мишеньке. Учились бы с ним вместе, и замуж за него вышла бы. Ну да не беда, поступлю в кооперативный

на следующий год, подумаешь!» – уверенно говорила Лера, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

Она была хороша, правда, на изысканный вкус. Роскошные рыжие кудри обрамляли ее круглое розовощекое лицо с ясными зелеными глазами. Крепкая статная фигурка с пышными бедрами и тонкой талией привлекала взгляды прохожих. Вот только ноги у Леры были слегка коротковаты, но этот недостаток удачно скрадывали модные на ту пору мини-юбки и туфли на платформе. Одним словом, Лера умела себя подать, как говорят, и считала, что она идеальная пара для Михаила Ашхабадова.

«У нас получились бы очень красивые дети, как ты думаешь?» – спросила она как-то застенчивую Олю.

«О репетиторах надо думать, дорогая моя. А дети у Ашхабадова будут красивыми с любой женой. У него же порода, и все признаки его породы доминантные».

«А вот и нет!» – спорила Лера. – «Рыжая масть, между прочим, доминирует и всегда проявляется, вот увидишь».

Казалось, такие разговоры были Лере по душе. Она упивалась своей мечтой об Ашхабадове и даже не замечала, что влюблен он не в нее, а в Олю.

* * *

«Девчонки, я достал билеты на концерт! Вот, смотрите, конкурс молодежной студенческой песни! Будут молодые певцы отовсюду, а после концерта – танцы», – сказал как-то вечером Михаил, и девчонки завизжали от восторга.

У них оставалось всего несколько дней до отъезда, и такая вечеринка была как раз кстати.

«Ой, ну будет, что вспомнить потом», – говорила Лера и прикидывала в уме наряд, в котором она появится на этом увеселительном мероприятии.

«Надо что-то сногшибательное, чтобы все на меня заглядывались и приглашали танцевать», – говорила Лера, прищуривая глазки и хватаясь за голову, картинно и красиво.

«Зачем?! Тебе же кроме Мишки вчера никого не надо было!» – удивленно спрашивала подругу Оля.

«А вот представь! Я такая неотразимая, все меня приглашают, лбами стукаются. Представляешь, как Миша запереживает, заревнует. Непременно захочет у всех меня увести! Они ведь, мужчины, ну как дети малые, в них дух соперничества заложен в генах, и они от него не могут избавиться всю свою жизнь. А кроме Мишки мне никого в жизни не надо, ты права».

Подруги пришли на молодежный вечер действительно неотразимо красивыми. Оля в лиловом шифоновом сарафане и серебряных босоножках выглядела очень утонченно и по-девически красиво. Ее черные густые волосы были стянуты на затылке серебряной лентой в конский хвост, который ниспадал ей на плечи тугими блестящими кудрями. Синие глаза сияли радостным блеском от предвкушения чего-то необычного.

Лера была в изумрудно-зеленом изящном платье с пеной рюшек, оборок и бантиков, но оно премиленько на ней сидело и удивительно точно подчеркивало цвет ее необыкновенных глаз.

Довольный и радостный Михаил, облаченный в белые полотняные брюки и серую с жемчужным отливом рубашку с коротким рукавом, гордо вел своих подруг под руки и млел от счастья, что на них обращали столько внимания.

Они сидели на хороших местах, в центре на втором ряду у самого прохода. Первой сидела Оля, рядом с ней Миша, а затем Лера. Отсюда прекрасно было видно выступавших артистов, и, казалось, они их тоже видели, так как даже посылали девушкам улыбки и воздушные поцелуи.

Конкурс-концерт проходил необыкновенно оживленно, практически после каждой песни обрушивался шквал аплодисментов, и жюри было необыкновенно трудно соблюдать объективность в выставлении своих баллов и оценок. Но когда на сцену вышел он, зал просто замер.

«Антонио Фернандес, аспирант вокального отделения Московского института культуры, гражданин Кубы, лауреат конкурса „Серебряная струна“ в Праге. Встречайте!» – объявил конферансье, и на сцене появился Антонио.

Он был рослым мускулистым красавцем с пепельными, вьющимися до плеч волосами. На его красивых длинных ногах просто картинно сидели голубые фирменные джинсы – мечта и зависть всего молодого поколения тех лет, а белоснежная батистовая рубашка как нельзя лучше подчеркивала матовую смуглость его красивой упругой кожи.

«Вот это да!» – прошептала Лера, а Миша покосился на Олю. Он заметил густой румянец на ее щеках и еще заметил, как она опустила глаза.

Когда Антонио запел, по залу пронесся легкий восторженный вздох. Его голос поражал своей чистотой и необычным звучанием. Казалось, что таким голосом нельзя говорить, а можно только петь, настолько он был мелодичным и удивительно музыкальным.

Антонио не отпускали со сцены долго. Он пел песни на испанском, английском и русском языке, с красивым легким акцентом, чем окончательно обворожил слушателей, особенно сидящих в зале девушек и строгое жюри.

«Он все время смотрит на тебя», – шептала Оле Валерия, но она так и не смела поднять глаз.

Наконец, после нескончаемых аплодисментов, Антонио сказал:

«А сейчас я исполню свою последнюю песню, которая называется „Синеглазая голубка“, и я хочу спеть ее для девушки во втором ряду».

Он запел «Голубку», что-то нежное, трогательное и красивое, а в конце песни спустился в зал прямо со своей гитарой, подошел к Оле и положил ей на колени большую белую розу, неизвестно откуда взявшуюся.

Публика взвилась бурными аплодисментами, под которые певец покинул зал. Но вскоре он опять появился на сцене, уже приглашенный жюри как победитель конкурса. Антонио красиво раскланялся, поблагодарил всех за теплый прием его песен, которые оказывается он сам и сочинил, и, послав благодарным зрителям воздушный поцелуй, удалился со сцены.

Михаил облегченно вздохнул и пригласил девушек в танцевальный зал.

«Ой, только не надо на меня так смотреть», – очень недовольно сказала Оля. – «Это был просто красивый жест, трюк с розой, который он проделывает на каждом концерте, а я близко сидела, вот и все».

«Ну конечно. Только ближе второго ряда есть первый, на котором сидело примерно двадцать девушек», – ехидно ответил Михаил.

«Ребята, я что-то не пойму, вы ссоритесь что ли? Мишка, да ты радоваться должен за подругу. Это же классно – вот так вот раз, и „синеглазая голубка“, не зеленоглазая, черт возьми!» – шуточно, но чуть-чуть с досадой сказала Лера.

Повисло неловкое молчание. Первым нашелся Миша:

«Девчонки, пойдете лимонада попьем, вон и очередь небольшая. А потом на танцы».

Все пошли пить лимонад. Никому, конечно, не хотелось ссориться, но у каждого были причины для легкого недовольства.

* * *

В танцевальном зале было шумно, многолюдно и тесно. Танцевать хотелось только Лере и Мише – ему с Олей, а Лере с ним. Но никто никого не приглашал. Миша ждал, когда кто-нибудь уведет Леру, тогда и он решится.

«Разрешите к вам присоединиться?» – услышали они приятный голос с красивым легким акцентом. Рядом с ними стоял Антонио и улыбался.

«Ой, здравствуйте», – чуть не подпрыгнула Лера и протянула Антонио руку.

Он галантно поклонился, взял Лерину руку и поцеловал, слегка прикоснувшись губами. Олю бросило в жар. Ее лицо пылало, и она опять была не в силах поднять глаз.

«Если не ошибаюсь, Антонио?» – спросил Михаил и тоже протянул руку.

«Да, правильно. А тебя как зовут?»

«Михаил. Мишель, если угодно».

«Нет, Мишель – это немного женское, лучше Майкл», – сказал Антонио, улыбнувшись великолепной белозубой улыбкой.

«А это Лера и Оля», – продолжал беседу Миша, и Оля впервые подняла глаза, в упор посмотрев на Антонио.

«Оля, можно вас пригласить на следующий танец?» – вдруг неожиданно попросил он.

Но ответила не Оля, а Лера, быстро и радостно: «Конечно можно! А пойдемте все вместе потанцуем!»

Но тут музыка закончилась и конференсье объявил:

«А сейчас по заказу победителя сегодняшнего конкурса для вас звучит «История любви».

Антонио увел Олю танцевать.

«Оля, вы чем-то расстроены?» – спросил он девушку во время танца.

«Нет, что вы! Я не расстроена, я просто не ожидала...»

«Чего? Внимания? Это просто удивительно! Но я так рад, что я встретил вас. Скажите, а Майкл – это ваш бойфренд или друг просто?»

«Что?» – растерялась Оля. Она не поняла вопроса, она не знала, как себя вести, и ей не хотелось выглядеть глупой. Она чувствовала необыкновенное обаяние Антонио и такую притягательную силу, которой не способна была сопротивляться.

В середине вечера Антонио вдруг предложил:

«А знаете что, пойдемте ко мне в гости все вместе. У меня в общежитии отдельная комната. Есть очень вкусный чай и пирожные».

«А на гитаре поиграете?» – спросила Лера.

«Ну в общем-то я не люблю играть и петь в тесном кругу. Это не всегда получается хорошо. Я артист, мне нужна сцена, акустика. Но у меня есть прекрасная музыка. Я обещаю, вам понравится вечер».

Вечер действительно удался. Всем было весело и интересно. Говорили о Москве и Гаване, Кубе и Америке, о знаменитых артистах и художниках и не заметили, как время перевалило за полночь.

«Так, все! Девочки, пошли», – скомандовал Михаил, – «метро работает только до часу, забыли?»

«А может быть вы все останетесь у меня? Или лучше вот что, пойдемте погуляем по ночной Москве. Она так удивительно красива в эту пору ночи», – предложил вдруг Антонио, и все с радостью согласились, а Олю опять обворожил его акцент и фразы, произносимые на иностранный манер.

Гуляли долго, пешком дошли до Красной площади, потом вышли на набережную Москвы-реки, удивительно красиво освещенную, потом вернулись на площадь и прошли всю улицу Горького до площади Маяковского.

До открытия метро оставалось полчаса. Вдоль улицы и по площади ползли поливалки и омывали просыпающийся город, будили его радужными фонтанами холодной чистой воды. Было прохладно, и девушки чуть-чуть ежились от легкого утреннего ветерка. Неожиданно Оля почувствовала себя тепло и уютно. Она оказалась в объятиях, и у нее замерло сердце.

«Ну что, теплее?» – спросил Михаил, который уверенно и твердо обнял девушку за плечи и слегка прижал к себе.

Оля растерялась. Она посмотрела на Антонио и встретилась с его удивительным взглядом, как будто проникающим внутрь. Ей стало не по себе. Оля осторожно высвободилась из теплого плена и тихо сказала:

«Не надо, Миша».

«Нет надо!» – оживленно проговорила Лера и буквально подскочила к Михаилу. – «Обними меня! Ну пожалуйста! А то я совсем на лягушонка стала похожа, вся зеленая и в пупырышках».

Все рассмеялись, и Михаилу ничего не оставалось делать, как сгрести в охапку прижавшуюся к нему дрожащую Леру.

Антонио снял с себя легкую белую курточку и накинул Оле на плечи. Потом он отвел ее в сторону и сказал:

«Оля, я буду ждать тебя сегодня весь день. Давай встретимся опять. Вечером я приду на площадь Пушкина к шести часам и буду ждать тебя. Приходи пожалуйста, когда сможешь. Хорошо?»

Неожиданно для себя Оля даже раздумывать не стала. Она быстро согласилась.

* * *

Оля открыла глаза. На душе было очень тревожно и беспокойно. Она осознавала, что произошло между ней и Антонио этой удивительной ночью, но не это тревожило ее. Какое-то смутное предчувствие глобальных перемен, щемящее душу чувство страха перед неизвестностью – вот что не давало ей покоя.

«Что же теперь будет?» – думала девушка и не находила ответа.

Очень тихо, чтобы не разбудить лежащего с ней рядом Антонио, она встала, подошла к окну и тут увидела чудо.

На темном бархатном небе, в его черной бездне царил луна. Да, это было зрелище, достойное кисти художника и пера поэта.

Огромная, золотая, полная луна излучала серебристое, невиданной красоты сияние. Она буквально завораживала и притягивала к себе. Хотелось взлететь, парить, удалиться от земли и прикоснуться к этому волшебному свету.

У Оли по щекам бежали теплые струйки слез, и тут она почувствовала легкое прикосновение. Ее тело напряглось, сердце сжалось в комок, она резко обернулась и обняла стоящего рядом с ней Антонио.

«Как красиво, Оля!» – сказал он и поднял девушку на руки. – «Это сказочная ночь, и я хочу, чтобы она не кончалась, а ты?»

«И я. Но мы с тобой из разных миров. Ты оттуда, из космоса, с луны. А я – земная, очень земная. И между нами пропасть».

* * *

На Павелецком вокзале было суетливо, грязно и шумно. Девочки пытались пробиться сквозь толпу и найти свой вагон №18. Они старались не отставать от широко шагающего Миши Ашхабадова, который, казалось, не замечал ни толпы, ни суеты, ни шума. Он нес два чемоданчика – Оли и Леры, он их провожал.

«Ну вот, добрались. Вот ваш вагон. Пошли, определю вас в купе», – деловито сказал Михаил и юркнул внутрь.

«Минуточку, ваши билеты, молодые люди», – зычно спросила проводница, которая только что стояла к ним спиной и разговаривала с двумя мужчинами не совсем опрятного вида.

«Я провожающий», – выкрикнул из окна Михаил, когда блюстительница вагонного порядка просматривала билеты Оли и Леры.

Девушки прошли в купе и с радостью обнаружили, что их попутчицами являются еще две женщины, мать и дочь. Миша при этом радостно улыбался и говорил:

«Ну теперь я за вас спокоен. И все же, на станциях не выходить, воблу и семечки не покупать, обедать в ресторане, в тамбуре не торчать. Все понятно?»

Девушки переглянулись и дружно расхохотались.

Пока Лера пыталась застелить свою постель на верхней полке, Миша тихонечко взял Олю за локоть и одними глазами попросил выйти из купе. Они стояли в вагоне, мешая пассажирам, пробирающимся к своим местам. Миша с тоской во взгляде смотрел на Олю, а потом сказал:

«Я люблю тебя. Я сделал ошибку. Прости меня, если сможешь. Приезжай, я буду ждать».

Оля плохо понимала, о чем он говорит, о какой ошибке, но ей стало нестерпимо стыдно, что она совсем недостойна таких слов.

«Хорошо, хорошо, Мишенька. Я приеду, мы с Лерой приедем...»

Она не договорила. Лера была уже тут как тут.

«Оля, ты прости, мне нужно сказать Мише кое-что, один на один. Не обижайся», – сказала она.

Оля покраснела и торопливо ушла в купе, захлопнув за собой плохо скользящую, а потому застревающую дверь.

«Ну вот, мой дорогой, мы и расстаемся. Скажи мне на прощание, что любишь меня, прошу тебя! Тогда и расставание с тобой не будет для меня таким горьким», – говорила Лера, глядя на своего возлюбленного огромными зелеными глазами, полными тоски и слез.

Михаилу стало не по себе. Что же он наделал! Он же негодяй, негодяй!

«Лера, прости меня. Я не должен был... В общем, это ошибка», – пытался объяснить он.

Но Лера не принимала его слов и оправданий.

«Ну нет! Такая твоя ошибка может очень дорого обойтись мне. Я не отпущу тебя теперь. Посмотри мне в глаза! И ты хочешь бросить меня вот так, попользовавшись?!»

«Лера...»

«Что Лера? Хочешь меня во всем обвинить? Не выйдет! Я шла на этот шаг сознательно, потому что я люблю тебя. И ты будь добр, отвечай за свои поступки, и главное – неси за них ответственность», – Лера говорила громким, надрывным шепотом, иногда срываясь на плач.

Она во что бы то ни стало хотела удержать Михаила, дать ему понять, что между ними теперь все очень серьезно, а не просто полудетский флирт, за который, в сущности, никто не должен нести никакой ответственности.

«Провожаящих прошу покинуть вагон», – услышали они резкий голос проводницы.

«Ну ладно, не плачь пожалуйста, все как-нибудь утрясется. Мне надо идти, пошли в купе, я попрощаюсь с Олей и пойду», – облегченно сказал Михаил и направился в сторону их двери.

Прощание было недолгим, суетливым и бестолковым. Михаил чмокнул обеих девушек, правда при этом он слегка нежно сжал Олину руку, а Лера получила лишь холодный торопливый поцелуй в лоб.

Они расстались. Поезд тронулся не спеша, и Михаил еще долго стоял на платформе, смотрел в след уносящейся мечте, которой никогда не суждено было сбыться.

* * *

Вернувшись домой из Москвы, девушки серьезно задумались, чем же заняться.

«Я кажется знаю, что вам предложить», – сказал однажды Вениамин Александрович, Олин отец. – «Поезжайте-ка в Озерск. Знаете небольшой городок, всего 5 часов езды на поезде? Там есть кооперативный техникум. С результатами экзаменов в Московский ВУЗ вас туда примут, я договорюсь».

«А зачем нам этот техникум? Мы в институт хотим», – недоуменно ответили девушки.

«Вот и прекрасно. Отучитесь год, получите направление и поедете следующим летом опять поступать. Уже легче будет, кое-каких знаний поднакопите. Если опять не поступите, будете продолжать учебу. Так и время не зря пройдет: либо все же попадете в институт рано или поздно, либо техникум закончите».

Девушки призадумались. Это был, конечно, вариант. Поедут в Озерск, снимут квартирку, поучатся в техникуме. Многие ведь так делают – сначала техникум, потом институт. И они согласились.

Перед самым отъездом Лера Мостовская была вне себя. Она послала Михаилу уже три письма и не получила ни одного ответа. Оля Кудрявцева не делилась с подругой, что Михаил звонил ей уже несколько раз. Зачем? Чтобы Лера лишний раз расстраивалась? Нет, Оля не из таких. Ей Мишины звонки были безразличны, а для Леры это будет удар. Оля молчала.

Вениамин Александрович сам отвез девушек в Озерск. В техникум их приняли без проблем и проволочек, конечно после конфиденциальной беседы Вениамина Александровича и директора, которому наконец-то были обещаны средства на ремонт спортзала и библиотеки. Затем Олин отец помог им найти и снять уютную однокомнатную квартиру в самом центре, которую он проплатил за полгода вперед.

Девушки были на седьмом небе от счастья. У них начиналась новая самостоятельная жизнь с прекрасными перспективами на будущее. Год учебы, развлечений, новых встреч, а потом – Москва! Да, они были счастливы, юны и беззаботны.

ГЛАВА 3

Подлог и обман. Достигнутая цель и одиночество

Наступил дождливый ноябрь. Подруги себя учебной особо не обременяли. Они вообще были на каком-то особом положении. В группе держались особняком, учились легко, «неудов» не имели, и преподаватели всегда были к ним более, чем благосклонны.

Однажды сырым промозглым утром Оля отказалась идти на занятия, сказав при этом: «Лера, я что-то не могу. Слабость какая-то, тошнит. Ты там как-нибудь за меня объяснись, а я отлежусь, хорошо?»

Лера собиралась было тоже дома остаться, но передумала. Перспектива ухаживать за больной подругой, которая скорее всего придуривается, как считала Лера, ее не очень привлекала. К вечеру, придя домой, Лера обнаружила Олю в весьма плачевном состоянии. ««Меня страшно тошнит, я не могу больше», – сказала она. На ее бледных щеках слегка розовел нездоровый румянец, под глазами были синяки, ей явно нездоровилось.

«Ты что, подруга, отравилась что ли? Чего ты ела без меня, говори!» – полусмешливо, полузабоченно интересовалась Валерия.

«Лерка, я беременна...» – только и проговорила несчастная Оля и скрылась в ванной комнате.

«Что?! Ты что, с ума сошла?! Какого черта тянула? Вот идиотка, ну форменная дура! И куда теперь?» – Лера была в отчаянии. Она негодовала, сокрушалась, ругалась и высчитывала недели. Ей было явно не по себе от навалившейся на них неразрешимой задачи. Она даже представить себе такого не могла и была уверена, что Ольга обманывала ее все это время.

«Ты давно все знала и молчала! А теперь скулишь, когда уже поздно. Поздно, понимаешь?!» – кричала она и размахивала руками, пытаясь показать тем самым, как это поздно.

«Да не ори ты! Без тебя тошно. Ничего я не знала, сегодня только осенило», – пыталась урезонить подругу и без того расстроенная Ольга.

Потом они обе расплакались, потом успокоились и начали размышлять, что делать. «Вот повезло же тебе, Олька», – вдруг заявила Лера.

«В каком смысле?» – не поняла та.

«Да в прямом. Вот если бы я оказалась в твоём положении, то Миша тут же женился бы на мне. Вот радости-то было бы».

Оля слегка опешила. «А вы что... у вас что... что-нибудь было?» – наивно спросила она, глядя на подругу изумленными глазами.

«Конечно было! В ту же ночь, когда и у вас с Антонио. Мишка тогда так нервничал, когда ты ушла к нему на свидание и не явилась домой. Он боялся, что с тобой что-то случилось. Мне пришлось его утешить. Сама не знаю, как это на меня нашло. Откупорила бутылку шампанского, и мы, представляешь, ее вдвоем выпили. И я ему в любви призналась. Надо же было когда-то».

«Ну? А потом что?» – спросила Ольга, но Лера с откровениями не спешила.

«Я же тебя не спрашивала, что у тебя было. Довольствовалась твоими рассказами о красотах полнолуния», – с ехидцей сказала она.

«Ну ведь ты догадывалась же», – не унималась Ольга. «Догадывалась, но в душу не лезла. Ну ладно, не обижайся. Я попросила его сама. Так прямо и сказала: сделай меня женщиной, своей женщиной. Ну он и поддался на мои уговоры».

Оля только сейчас поняла смысл Мишкиных слов о допущенной ошибке и поняла, за что он просил у нее прощения в поезде. «Все смешалось в доме Облонских...» – пронеслось у нее в голове, и Ольга тяжело вздохнула.

«Ладно, пошли спать. Утро вечера мудренее», – заявила Лера и выключила свет.

* * *

«Так, подруга, слушай меня внимательно. Никакого аборта ты делать не будешь. Ты будешь рожать!»

Лера сидела на кровати в позе «лотоса» в своей изумительной бирюзовой пижамке и рассуждала вслух. Оля лежала и смотрела на нее испуганными синими глазами. Она ничего не отвечала. Казалось, ей было все равно. Потом она отвернулась к стене, натянула на себя одеяло и тихо, но решительно заявила: «Нет!» Но на Леру это не произвело никакого впечатления.

«Это надо было говорить Антонио», – сказала она наставительно. – «А теперь будешь слушаться меня. Я заберу у тебя ребенка. Это будет мой ребенок, мой и Мишкин».

Оля резко подскочила и села на кровати, глядя на подругу так, как будто у нее голова Медузы-Горгоны.

«Так, тихо! Без истерик! Вы беременны, мадам. Вам вредно волноваться», – цинично продолжала Лера, пытаясь урезонить и подавить возможное Олино сопротивление. – «Я не спала всю ночь, пока ты тихонечко посвистывала и причмокивала от удовольствия, видя сладкие безмятежные сны. Но зато я нашла выход из положения, в котором ты сейчас находишься, благодаря своей безголовости, распущенности и трусости. Тоже мне, героиня-любовница!»

«Лера, прекрати! Ты могла бы оказаться в этом же положении с таким же успехом, как и я. Не надо строить из себя целомудренную защитницу девичьей чести. Тебе в этой ситуации просто больше повезло», – попыталась защищаться Оля, но все ее попытки были резко приостановлены уже замыслившей что-то Лерой:

«Да послушай ты! У меня созрел гениальный план. Мы поедем в глухую деревню, найдем сердобольную старушку и сочиним ей историю о внезапной беременности. При этом ты будешь несовершеннолетняя, а потому беспаспортная Валерия Мостовская. А я – твоя подруга, Ольга Кудрявцева. Когда придет срок, ты родишь в местной больничке ребеночка, которого естественно запишут на имя его матери – Валерии Мостовской. Мы возвращаемся домой, я с ребенком, ты – без. Все цели будут достигнуты: ты чиста и невинна, ну а я – Валерия Ашхабадова, Мишина жена и мать его ребенка. Ну как тебе?»

Оля окончательно потеряла дар речи. Она хватала воздух ртом и быстро-быстро моргала, пытаясь что-то сказать, но язык не слушался ее. Лера расхохоталась.

«Ну и клуша ты, Ольга. Ладно, не суетись. Другого выхода у тебя все равно нет, будешь делать, как я сказала», – подвела итог Лера. Но Ольга все же собралась с мыслями.

«Почему нет другого выхода? Я могу с таким же успехом сделать аборт в маленькой деревенской больничке как беспаспортная Наташа Иванова, например. И быстрее, и проще, и без авантюры», – сказала она, как ей казалось, вполне резонно.

Но не тут-то было. Валерию голыми руками не возьмешь. Она встала, уткнула руки в боки и твердо, решительно заявила: «Так, во-первых, какой аборт в этом сроке, пятнадцать недель? Ты с ума сошла? Да еще в деревенской больничке. А во-вторых, я тебе в этом помогать не буду, потому что это – безумие. Хочешь, делай все сама, я пас. И еще. Если ты сделаешь как я тебя прошу, ты осчастливишь меня. Запомни, осчастливишь! Решай».

Лера собралась и ушла. Ольга осталась одна в полной растерянности, совершенно сбита с толку, обессиленная и не способная что-либо решать. Она понимала, что Лера права: поздно. Она запустила свою беременность, но тому была причина. У нее и раньше были периодические задержки цикла. Девушка обратилась к врачу, но тот успокоил ее и заверил, что со временем все установится и придет в норму. Вот и на сей раз Ольга подумала, что это тот же самый случай, очередная банальная задержка, пока не почувствовала тошноту и внезапно появившуюся, слегка заметную округлость форм. Она вдруг осознала, что с ней стряслось, но это тяжелое, безнадежное слово «поздно» звучало в ее ушах как беспрекословный приговор.

«Да, поздно. Пусть все будет, как будет. Но ребенка я все равно не хочу. Куда я с ним? А отец что скажет, а его работа, авторитет? Позор! Нет уж. Хочет Лерка, пусть забирает его и женит на себе своего драгоценного Мишеньку. Дура ненормальная!» – так размышляла Оля и вдруг разозлилась. – «Господи, какие все двуличные! Этот Ашхабадов со своей любовью. Да как он мог признаваться мне в любви, когда сам с моей лучшей подружкой... Господи! За что мне это все?»

Ольга была вне себя. Она внезапно решила отомстить Михаилу и обмануть его, жестоко и сурово. «Раз он такой легкомысленный тип, то пусть вот и женится теперь на Лере, которую не любит. И пусть живет с ней всю жизнь и воспитывает чужого ребенка. Будет знать, как...»

Оля не додумала свою мысль. Вернулась Лера. Она вошла в комнату и стала разгружать сумку, в которой были фрукты, соки, свежее молоко и маленькая коробочка.

«Вот, смотри, витамины для беременных. Импортные. Будешь принимать по одной в день», – миролюбиво сказала Лера, и Оля наконец улыбнулась, обрадовавшись, что подруга больше не сердится и не кричит на нее. Ей стало намного легче, и она сказала примирительно, обняв девушку: «Лерка, делай что хочешь. Только не оставляй меня одну, я не сдюжу».

Этим было сказано все. Лера посмотрела на Ольгу добрым и ласковым взглядом, слегка отстранившись от ее объятий и ответила:

«Я знала, что ты примешь правильное решение. Не дура ведь. Ладно, ложись на меня, я все устрою в лучшем виде».

* * *

«Папа, мы на зимние каникулы не приедем, мы с Лерой хотим съездить в Москву, хорошо? Ты не обидишься?» – говорила Оля отцу по телефону. – «Надо в институт сходить, разведать обстановку. У нас две девочки из Подмосковья учатся, они пригласили нас к себе, так что и гостиница не нужна», – вдохновенно врала Оля.

Она уже неоднократно замечала за собой удивительные способности к вранью, хотя редко к нему прибегала. Но когда ей все же приходилось врать, то у ее собеседника никогда не возникало и тени сомнения в правдивости ее слов. Вот и сейчас, отец искренне поверил дочери и пообещал прислать денег.

Ту же версию передали и Елизавете Ивановне, Лериной бабушке, которая только всплеснула руками и сказала: «Совсем взрослая девка стала. Что ж поделаешь, время».

В техникуме девушки сказали, что вынуждены прервать учебу, так как они попытаются перевестись в московский кооперативный техникум, и забрали документы, вполне, кстати, удачно и экстерном сдав первую сессию. Конца семестра они дожидаться не стали, боясь, что Олино положение скоро станет заметным, так как скрывать его было все труднее и труднее.

В самом начале декабря озабоченные подруги уехали из Озерска в маленькую полузаброшенную деревушку Плутки, где их ждала бабка Серафима, живущая здесь одна-одинешенька, потерявшая мужа на войне и дочь, которая уехала из Плутков в город, там вышла замуж, и вот уже пятнадцать лет живет с мужем на Дальнем Востоке и в Плутках не показывается.

Лера познакомилась с бабушкой Серафимой на базаре. Та продавала шерстяные носочки и варежки, собственноручно связанные из домашней овечьей шерсти, которую она и пряла сама. Покупая шерстяные носки, Лера сказала: «Вот, для подружки покупаю. Она у меня беременная, домой ехать боится, родители заругают. А живем в комнатухе, всю насквозь продувает. Мерзнет она».

Бабка Серафима, сердобольная одинокая старушка, сразу оживилась: «Ой, да как же вы одни-то? И чего делать собираетесь?»

«Не знаю, бабушка. Лера, подружка моя, девчонка совсем. Ей еще и шестнадцати нет. А жених ее в армии, вернется не скоро. Боимся мы, а деваться некуда».

«А рожать-то ей когда? Вы у врача-то были?» – продолжала расспросы бабка Серафима.

«Да не были. Мы не знаем, к какому врачу и идти-то. Они ведь обязательно родителям доложат, а нам это ни к чему».

«А где родители-то, в городе что ли?»

«Ну да. А мы вот учиться сюда в техникум приехали и узнали, что Лера беременная. Прямо не знаем, что делать. Может, вы подскажете?»

Бабка Серафима заохала, запричитала, но ничего дельного подсказать не смогла. Она смотрела на Леру с жалостью и состраданием. В ней явно рождалось желание помочь, посодействовать бедным «заблудшим овечкам», и Лера это сразу раскусила.

Она не дала старушке додумать свои мысли и обрушила на нее кучу вопросов: «Вот вы, бабушка, где живете, в деревне? Есть у вас там врачи, больница? Как у вас в деревне женщины рожают?»

«Да как рожают? Обыкновенно. Фельдшер у нас есть. А кто заранее готовится, в Озерск едут. По-всякому. Да рожают-то редко. У нас в Плутках три улицы да дюжина домов».

«А это как раз то, что и надо. Вы, бабушка, с кем живете?» – настойчиво продолжала расспрашивать Лера.

«Да одна я, дочка. Никого и нету у меня».

«А давайте мы к вам приедем с Лерой. За постой, за прокорм платить будем. Я вам по хозяйству буду помогать. А как Лера родит, мы уедем. С ребенком-то уж ее родители никуда не выгонят. А так и родить на дадут, заставят избавиться, а она страсть как ребеночка хочет. Любит Василия, парня своего, замуж за него хочет. А он как узнает, что она от ребенка избавилась, ни за что не женится. Он такой».

Лера говорила скороговоркой, не давая бабке Серафиме опомниться. Та только качала головой, хваталась за сердце и промокала слезящиеся глаза углом цветастого шерстяного платка.

«Доченька, да как же я вас приму-то? А что скажу соседкам, кто вы, откуда? А фельдшер расспрашивать начнет, чего я ему скажу?» – бабка Серафима была сбита с толку, но Лера не отступала.

«Скажите все, как есть: девочки попросились пожить, одной рожать скоро. Родит, мол, и уедут. А с фельдшером я сама договорюсь. Ну? Идет?»

Бабка Серафима оказалась не способной сопротивляться Лериному натиску. Целеустремленная, оборотистая Лера устроила все наилучшим образом, внушив старушке, что это их единственный выход из положения и ее, бабки Серафимы, гражданский долг.

Домой с базара она вернулась с адресом Плутков, точнее, с описанием, как туда добраться. Решив все свои дела в техникуме, девушки отбыли на постой к сердобольной бабке Серафиме в деревушку Плутки, где позднее, ранним апрельским утром, солнечным и ясным, родится славный мальчик Антошка.

* * *

Михаил Ашхабадов приехал домой на новогодние каникулы. Настроение у него было приподнятое. Впереди было почти три недели отдыха, тепло и уют родительского дома, вкусная мамина еда и еще встреча с Олей. Долгожданная встреча, о которой он так долго мечтал.

Чем затронула его сердце эта тихая, застенчивая, красивая девушка, он не мог объяснить. Он отлично знал себе цену, так как, не говоря уж о Лере Мостовской, у него было много поклонниц в Москве. Девушки писали ему письма, записки, сами приглашали на свидания, но он был стоек и непоколебим.

Михаил подружился с Оливией, студенткой третьего курса, которая приехала учиться в Москву из Италии. Они были только друзьями, так как у Оливии в Италии был жених, а Михаил мечтал об Ольге. Но эта дружба давала ему возможность урезонивать особо настойчивых поклонниц, так как в их глазах он выглядел теперь как бы «занятым кавалером».

Но дома его ждало глубокое разочарование. В первый же вечер, позвонив Оле домой, он узнал от ее отца, что девушки в Москве и на каникулы не приедут. Первым его желанием было ехать назад, но он понятия не имел, где их искать, да и вообще перспектива встречать Новый год в слегка поднадоевшей ему столице его не очень-то привлекала.

Юноша был более, чем раздосадован, так как рушились его жизненные планы. Он был решительно настроен на то, чтобы сделать Ольге Кудрявцевой предложение. Михаил искренне хотел жениться на девушке, которую любит, и надеялся получить согласие. Он представлял себе романтическую новогоднюю ночь, долгожданный поцелуй и нежное объяснение в любви, а затем – предложение выйти за него замуж. Михаил привез Оле красивое колечко, тоненькое, позолоченное, с бирюзой, которое он хранил потом у себя долгие годы.

Новогодняя ночь в корне изменила все планы и намерения Михаила. Точнее, не ночь, а утро, когда звонко и настойчиво зазвонил телефон. Михаил взял трубку и услышал тихий, взволнованный голос Леры:

«Мишенька, здравствуй. Это я. Любимый мой, родной, я хочу сказать тебе в это новогоднее утро что-то очень важное для нас обоих. Только не перебивай...» – было слышно, как Лера перевела дух и сразу же продолжила, не дав Мише опомниться, – «Мишка, у нас будет ребенок. Я жду малыша. Он родится в апреле, и я хочу, чтобы ты знал об этом».

Миша остолбенел. Он ожидал всего, чего угодно, только не этой сногшибательной новости. Тихим, упавшим голосом он спросил: «Где Оля?» – это все, на что он оказался способен.

Но Лера не обиделась, она даже наоборот как-то повеселела и ответила:

«Не волнуйся, она со мной. Она мне во всем помогает. Мы решили не расстраивать никого раньше времени. Когда ребеночек родится, тогда и скажем всем, правда?»

Михаил обескураженно молчал. Он чувствовал, как рушится его жизнь, он испытывал горькое чувство обиды на несправедливую и привередливую судьбу и понимал всю тяжесть и безнадежность своей утраченной навеки мечты с нежным красивым именем «Оля». Михаил положил трубку. Ему было невмоготу слышать Лерин голос, и омерзительное чувство стыда перед ней заставило его грязно и отвратительно выругаться.

Вернувшись в Москву после каникул, Михаил пустился, как говорят, во все тяжкие. Он менял девушек, как перчатки, он наслаждался удовлетворением своих плотских страстей и брал от жизни все, что было в его силах. Его любовницами стали самые красивые и самые богатые девицы и даже две молодые преподавательницы, одна из которых предложила ему пожениться и переселиться к ней в роскошную квартиру на Новом Арбате. Он отказался, но к слову сказать, продолжал с ней отношения до самого окончания института.

Михаил Ашхабадов был воспитан в старорежимной, добропорядочной семье, и несмотря на свое легкомысленное поведение, чувство долга являлось для него весьма значительным и обязательным атрибутом мужской чести. Он знал, что никогда не позволит себе бросить на произвол судьбы собственного ребенка и понимал, что ради него должен теперь навсегда забыть о собственных мечтах и планах.

* * *

Лера и Михаил встретились в конце июня. Он вернулся домой, отлично закончив свой первый студенческий год, и сразу же узнал, что Лера с малышом приехала домой и живет у бабушки. Михаил понимал, что она ждет его. И все же первый свой визит он нанес Ольге.

Она открыла ему дверь и совершенно без интереса, равнодушно воззрилась на него. Ее глаза по-прежнему были очень красивы, но ужасно печальны и холодны.

«Оля...» – скорее выдохнул, чем сказал Михаил и переступил порог, хотя она его войти не приглашала.

Наступило тягостное молчание, которое прервала Ольга:

«Не зря я не верила тебе, не так ли?!» – спросила она.

«Не так. Наверное, все потому и случилось, что ты не верила мне. Я любил тебя, очень любил. Люблю и сейчас, но уже по-другому».

«Это как же? Через призму своих отношений с Лерой?»

«Через призму твоего равнодушия ко мне. Прости меня, Оля. Я непоправимо ошибся в своей жизни. И цена этой ошибки – потеря тебя», – с этими словами он резко повернулся и ушел.

Первый раз за долгие-долгие годы молодого мужчину душили слезы. Он больно ударил кулаком в стену, стиснул зубы и вышел на улицу, полную света, солнца и тепла. К Лере Михаил не пошел. Ему не хотелось ее видеть, совсем не хотелось, и даже мысли о сыне, которого он еще ни разу не видел, не пробуждали в нем желания скорейшей встречи.

Перед тем, как нанести Лере свой первый визит, Михаил решил объясниться с родителями. Они были еще не в курсе дела, так как Лера категорически запретила бабушке Елизавете вмешиваться в это, и сама хотела выглядеть приличной и ненавязчивой. Она знала и даже была абсолютно уверена, что Михаил не бросит ее. И еще ей хотелось, чтобы он сам рассказал своим родителям о том, что у него родился сын.

Так оно и вышло. Состоялся тягостный разговор в тесном семейном кругу Ашхабадовых.

«Честно говоря, сын, я не ожидал от тебя такого безрассудного поступка. Это очень уронило тебя в моих глазах», – выговаривал Михаилу отец, пока мама тихо плакала, выйдя в другую комнату.

Эля, старшая сестра, скривила усмешку и сказала: «А чего тут не ожидать, папа. Дурное дело не хитрое. Хоть бы посоветовался со мной, прежде чем творить глупости», – со знанием дела заявила Эля, которая уже заканчивала мединститут и собиралась стать гинекологом.

Михаил никому не перечил, выслушал всех молча и сказал: «Я должен жениться. Извините».

Перед очередным отъездом в Москву Михаил расписался с Лерой, которая мечтала поехать с ним, но Антон был слишком мал, чтобы оставить его на попечение прабабушки Елизаветы.

У молодой мамы, как оказалось, совсем не было молока, и ребеночек рос на искусственном вскармливании. С ним было много хлопот, он рос беспокойным и крикливым, плохо спал ночами, но одна отрада – практически не болел.

Лера предпочла жить с бабушкой, пока Антошка был грудным. Михаилу было все равно, а его родители не возражали. Они приняли Леру спокойно и с достоинством и иногда по выходным забирали внука на прогулку.

Валерия Ашхабадова любила своего сына. Он помог ей воплотить в жизнь свою искрометную мечту: теперь ее возлюбленный всецело принадлежал ей. Она была уверена, что у них получится отличная семья, а о большем Валерия и не мечтала, и не задумывалась.

Ольга Кудрявцева, наоборот, пребывала в состоянии крайней меланхолии. Осенью она вернулась в Озерск и восстановилась на заочное отделение своего техникума, который она так и закончила. Учась на последнем курсе, Ольга устроилась работать в цветочный магазин. Об институте она больше не помышляла. Отношения с отцом были по-прежнему ровными и прохладными. Поклонников у Ольги не было. Ее холодная, ставшая со временем надменной, красота буквально отпугивала потенциальных женихов.

С Лерой они виделись и встречались регулярно. Частенько отправляли посылки бабке Серафиме в Плутки. Они хранили тайну. Две заговорщицы, совершившие противоестественный поступок, подлог, страшный обман, продолжали играть со своими судьбами, судьбой Михаила и маленького Антона, красивого черноглазого бутуза, в котором все без исключения находили поразительное сходство с его папой Мишей. Это вполне устраивало Валерию и совершенно никак не волновало Ольгу.

Михаил, закончив институт, вернулся в родной город, к заждавшейся его семье, и Аркадий Эдуардович, Ашхабадов-старший, сделал ему протекцию в местном медицинском институте, где Михаил Аркадьевич сразу стал заведующим кафедрой иностранных языков. Предусмотрительный отец посоветовал сыну выучить латынь, что и сыграло свою роль в его назначении на эту солидную должность.

Лера растила малыша. Она не училась и не работала, но при этом, как нельзя лучше, выполняла роль любящей жены и матери. Надо отдать ей должное – вполне искренне. Единственное, что не давало ей покоя – это укоренившееся, слегка дающее о себе знать чувство вины перед подругой. И еще чувство страха.

Она боялась, что Ольга не выдержит и рано или поздно выдаст их страшную тайну. Лера даже решилась поговорить с Ольгой об этом. Но та только слегка отрешенно взглянула на нее и сказала:

«У меня нет никакого сына и никогда не было. А если бы я начала настаивать на обратном, меня упрятали бы в сумасшедший дом. Успокойся и не порть свою замечательную жизнь понапрасну».

Этот разговор успокоил Леру, но неожиданно растревожил Ольгу. Она была одна, совсем одна в этой жизни. Ее отец, Вениамин Александрович, неожиданно женился и, оставив дочери квартиру, переехал к своей новой жене Марии. Отношения у них с Ольгой не складывались, поэтому часто они друг к другу не ходили.

Ольга по-прежнему дружила с молодой семьей Ашхабадовых. Родители Михаила все-таки переехали в Москву «вкусить столичной жизни на старости лет», как они выразились, и молодежь осталась одна, к несказанной радости Леры.

Михаил Ашхабадов относился к Ольге чисто по-приятельски и никогда больше не заикался о своих чувствах, которые у него к ней остались. А может быть, и нет. Ольга не знала. Все это время где-то глубоко в душе она хранила трепетное чувство, до сих пор похожее на робкую девичью влюбленность, к единственному мужчине в ее жизни, Антонио Фернандесу. Об этом никто не знал и никогда не догадывался. С Лерой Ольга избегала разговоров на эту тему. Но тягучее, скучное одиночество начало угнетать Ольгу, хотя выхода из него она не видела.

ГЛАВА 4

Ночи любви. Счастье материнства и очередной обман

Стоял морозный зимний вечер. За окном металась и плакала навзрыд февральская вьюга. Ольга скучала в одиночестве, лежа на диване и читая книгу. Зазвонил телефон.

«Лерка, наверное. Положила Антошку спать и звонит поболтать», – подумала Ольга и взяла трубку.

Лерин голос ворвался в пустоту Олиной квартиры, как набат.

«Телевизор, скорее, вторую программу... быстро...» – говорила она.

Телевизор у Ольги работал, правда звук был убавлен до минимума, и настроен как раз на второй канал. Она взглянула на экран.

Антонио в серебристом с белом одеянии пел красивую песню, демонстрируя миру свои удивительные голосовые данные и настоящую мужскую красоту.

Оля прибавила звук. Она смотрела на поющего мужчину, внутри у нее что-то дрожало, а по щекам текли горячие волнующие слезы, и она не понимала – это слезы радости или отчаяния.

После выступления диктор немного рассказал о певце. Оказалось, что это восходящая звезда американской эстрады, который три года назад приехал из Кубы и сейчас уже завоевал сердца миллионов поклонников. Молод, красив, талантлив. Его ждет большое будущее не только, как певца, но и как артиста, так как он уже получил ряд предложений из Голливуда.

Ольга не верила своим ушам. За эти пять с лишним лет она не продвинулась в своей жизни ни на шаг, не то, что ее друзья: Лера обрела счастье, Михаил карьеру, а Антонио славу.

Это обстоятельство сильно встряхнуло заиндевелшую, совсем почти отстраненную от жизни Ольгу.

«Я найду его! Во что бы то ни стало – найду!» – пронеслось ураганом у нее в голове.

После той удивительной ночи, полной золотого сияния луны, очарования любви и первой близости, Ольга совершенно потеряла себя. Она как бы растворилась в неземном блаженстве и не существовала в обыденной суетной жизни. Это блаженство и ощущение счастья и любви подарил ей Антонио той замечательной ночью. Но потом они расстались, и он увез с собой эту чудесную ауру, обнажив вокруг Ольги обычную земную атмосферу, в которой ей теперь было очень одиноко и неуютно.

Когда они расставались, он ей ничего не обещал, он сказал только:

«Как хорошо, что ты была в моей жизни. Была и есть. Когда мы встретимся следующий раз, я повторю тебе эти слова».

Она всегда помнила эту фразу, но и прекрасно понимала, что следующего раза, скорее всего, не будет. И ее больше нет в его жизни.

Если бы она не увидела его вот так неожиданно, так близко рядом с собой и в то же время так неизмеримо далеко, она бы никогда не приняла решения разыскивать его. Но увидев человека, единственного, которого она любила, молодая женщина вдруг ринулась навстречу своей мечте. Найти его и снова очутиться в его жизни – это явилось теперь основной ее жизненной задачей. Зачем? Этого вопроса Ольга себе не задавала. А если бы и задала, то ответа не нашлось бы.

Ее волновало другое: как его найти? О далекой таинственной Америке она имела весьма смутное представление. Другая страна, другой мир, другой континент. Но ведь ведут же туда какие-то ниточки. Весь мир давно уже общается между собой. А кому, как ни ей, необходимо нащупать эти ниточки. Она решила поговорить с Михаилом.

Лере и Михаилу Ашхабадовым пришла по душе Ольгина идея разыскать Антонио.

«Вот здорово! Представляете, если мы его найдем? Мишка, ты должен приложить все свои усилия и выйти на него», – говорила Лера, томно глядя на мужа и подмигивая Оле. Та только выжидательно молчала и смотрела на Михаила с надеждой во взгляде.

«Ладно, надо подумать. Дело это не простое, но не безнадежное», – по-деловому ответил он.

Через несколько дней вечером Михаил позвонил Ольге домой и сказал, что у него есть план, который надо обсудить. Естественно, Ольга пригласила его к себе, его и Леру. Но он пришел один.

«Лерка с Антошкой отправились к бабушке Елизавете на выходные, так что я один. Не возражаешь?» – спросил он, появившись у нее на пороге.

«Заходи, чего уж там», – ответила Ольга и покраснела, наверное от того, что с того самого последнего объяснения молодые люди никогда не были один на один и не разговаривали ни на какие темы, кроме как семейные, да и то в присутствии Леры.

«Давай, выкладывай свой план, а я пока чайник поставлю», – сказала Оля и направилась было на кухню.

«Оля, а поесть есть чего-нибудь? Я голодный, как волк», – вдруг неожиданно спросил Михаил.

Пришлось приготовить легкий ужин, и когда уселись за стол, Михаил вытащил бутылочку коньяка.

«Давай по чуть-чуть. Хорошая закуска, хорошая выпивка. Сто лет в рот не брал», – безапелляционно заявил Михаил и налил в рюмочки коньяк.

Ольга не стала отказываться. Решался очень важный вопрос ее жизни, и все остальное ушло куда-то на второй план и не волновало ее.

План Михаила по розыску Антонио был довольно прост. Через Институт культуры в Москве, который закончил певец, ему уже удалось разыскать его домашний адрес и даже телефон на Кубе. Он намеревался туда позвонить, переговорить, к примеру, с его родителями и найти координаты Антонио в Америке. А потом либо написать ему туда, либо даже позвонить.

Ольга внимательно выслушала Михаила, который тем не менее не забывал наполнять пустеющие рюмочки, и решила, что план хороший и действенный.

Они позвонили на телефонную станцию и попытались заказать разговор с Кубой. У них взяли номер и просили подождать с полчаса, тогда будет ясно, когда состоится разговор, сегодня или завтра.

Они стали ждать. Что-то тревожило Ольгу. Она не на шутку волновалась и не могла найти себе места.

«Что это со мной? Я как сама не своя. Пьяная что ли?» – спросила она и подошла к окну.

«Нет, просто волнуешься очень. Я тебя понимаю», – Михаил подошел к ней сзади и обнял за плечи.

Через стекло сквозь легкий снег, танцующий в отсветах неяркого фонарного света, на них взирала огромная полная луна, немного расплывчатая, но удивительно красивая, золотистая, отливающая серебром.

Ольга вздрогнула. Она вспомнила вдруг ту удивительную картину волшебного полнолуния, которая обворожила ее однажды, в ту первую и последнюю ночь любви, когда она отдалась единственному в ее жизни мужчине, будучи еще совсем девочкой, робкой и стеснительной, но влюбленной до такой степени, что даже не отдающей себе отчета в том, что совершает неверный шаг.

Хотя, почему неверный? Она верна ему по сей день. Никто и никогда больше не переступил этой черты и не посмел даже прикоснуться к ней, удивительно молодой, удивительно красивой и соблазнительной женщине, полной тайн и загадок, чарующей своей недоступностью.

На минуту ей показалось, что это он, Антонио, стоит у нее за спиной, как и прежде, и обнимает ее нежно и трепетно.

Она повернулась к нему лицом, и ее губы тут же встретились с горячими, жаждущими губами Михаила. Поцелуй был долгим и сладострастным, первый поцелуй в их жизни, о котором никогда не помышляла Ольга, но столько долгих лет мечтал Михаил, мечтал страстно и безнадежно, даже не отдавая себе в этом отчета.

«Оля, любимая моя, я не прошу о многом, но пощади меня, подари минуту счастья. Я так люблю тебя. Я сделаю все, чтобы и ты была счастлива, я знаю, что ты любишь только его, но не отталкивай меня сегодня, это мой единственный шанс...»

Она обняла его за шею, и у нее вдруг закружилась голова.

«Я хочу тебя...» – произнесла она еле слышно, и он тут же поднял ее на руки и унес в спальню.

Все произошло невероятно быстро. Два разгоряченных тела, две страсти слились воедино, и под отсветом всезнающей луны они совершили свой грех, такой сладкий, такой страстный и такой неповторимый, что позже даже боялись думать о нем, не то, что говорить, чтобы не осквернить и не запятнать его святого таинства.

Грех и святость. Где граница, где раздел? Как осудить себя и как отблагодарить бога за совершенное, недозволенное чудо, дарованное природой? Как скрыть, как умолчать об этом и как не наделать еще большего греха?

Зазвонил телефон, совсем не вовремя, некстати, но властно и настойчиво. Разговор дали только на завтра, на восемь вечера.

«Ну что ж, придется тебе терпеть меня и еще и завтра», – сказал Михаил, осторожно глядя на Ольгу и глядя ее по волосам.

«Я потерплю, Мишенька, только не оставайся у меня сегодня на ночь, я тебя очень прошу», – ответила Ольга, и теплые струйки слез катились по ее пунцовым красивым щекам.

«Не плачь. Я все понимаю. Я так бесконечно благодарен тебе за эти минуты блаженства, на которые я даже надеяться перестал. Ты ни в чем не виновата, только я, но я люблю тебя, помни об этом».

«Миша, прекрати. Я предала свою лучшую подругу, я ничтожество, да еще такое, о каком ты даже и не догадываешься».

«Глупенькая. Ты самая замечательная на свете, и это не твоя вина, что ты не любишь меня, а моя, наверное. Но все равно, таких женщин, как ты, на свете больше нет. Единственный экземпляр. И я добьюсь того, чтобы ты была рядом с тем, кого достойна и кого любишь. Я имею в виду Антонио. Ну все, я пошел, до завтра».

Он ушел очень быстро, даже не поцеловав ее на прощание, а она вернулась в спальню, свернулась клубочком на кровати и стала подсознательно ждать завтрашнего дня, когда она сможет прикоснуться чуть-чуть к своей заветной мечте за океаном, и когда она вновь окажется в страстных, недозволенных и чарующих объятиях Михаила.

Вторая ночь любви мало, чем отличалась от первой. Ольга и Михаил отдавались блаженству с неистовством и неукротимой энергией. Он, искушенный в делах любви, но впервые в своей жизни обладающий женщиной, которую любит, и она, совершенно неискушенная, хотя от природы страстная, но заколдованная спящая красавица, которая, как в сказке, проснулась вдруг от поцелуя влюбленного в нее принца.

Они любили друг друга всю ночь, и уже каким-то неважным показался им обоим адрес Антонио, который им удалось раздобыть, и чувство вины отступило на второй план. Все притупилось, и только отчаянное желание обладать друг другом наполняло пространство их маленького, сузившегося до размеров Олиной спальни, мира.

Прозрение пришло под утро. Уставшие, умиротворенные молодые любовники крепко спали в нежных объятиях друг друга, когда резко зазвонил будильник.

«Миша, тебе пора! Боже мой, что же ты спишь, как убитый. Просыпайся!»

Оля нежно гладила его и пыталась разбудить. Было воскресенье, Лера собиралась позвонить утром и сказать мужу, когда он должен приехать за ними.

«Я не сплю, я просто пытаюсь продлить миг блаженства. Спасибо, что ты так бережно и нежно будишь меня. Я уйду сейчас...»

И он ушел. Решено было, что первое письмо Антонио пошлет Михаил, вроде как его дальний приятель. Ну так, на всякий случай.

«Знаешь, вдруг он женат или еще что-нибудь. Вдруг заокеанские связи как-то повредят его карьере, тем более связи с женщиной. Я боюсь, одним словом. Ты напиши от себя или от нас от всех, ну а если он ответит, тогда и я найдусь, хорошо?» – попросила Оля, и Михаил согласился, хотя и не понимал Олиной перестраховки.

* * *

Он отправил ему письмо, дружеское, открытое. Напомнил об их встрече и знакомстве в Москве и сообщил, что они, его прошлые друзья, Майкл, Ольга и Валерия видели его по телевизору и очень рады, что он стал так знаменит. На всякий случай Михаил сообщил, что они с Лерой поженились, и у них растет сынишка Антон.

«Антон, Антонио... как-то я раньше не думал об этом. Что это, странное совпадение?» – вдруг подумал Михаил, но тут же отогнал от себя эту мысль.

Ответ пришел через полтора месяца. Стоял погожий апрельский день. Лера хлопотала на кухне, выпекала торт к Антошкиному дню рождения, когда явился Михаил с письмом из Америки.

«Звони Ольге», – сказал он, – «пусть приходит, будем читать».

Ольга только что вернулась от врача. Она лежала на диване и обдумывала ситуацию. Опасения подтвердились, она вновь оказалась в положении, но теперь уже отцом ее будущего ребенка станет Михаил Ашхабадов.

«Да что же это такое? Опять полнолуние, опять любовь, опять беременность. Что это, рок или судьба? Почему все так одинаково?»

Ольга пыталась определить свою позицию. Рожать ребенка она решила однозначно. В конце концов одной не легче, так хоть будет ради кого жить.

«Может зря я Мишке отказала? Может, надо было согласиться на его уговоры и выйти за него?» – думала Ольга, вспоминая свой последний разговор с ним.

Неделю спустя после их встречи у нее дома Михаил подъехал за Ольгой на работу и предложил отвезти ее домой. По дороге он попытался объяснить и доказать несчастной женщине, что их любовная связь была не просто прихотью или соблазном, это было что-то свыше, зов любви, аромат счастья, исполнение мечты – одним словом, нечто дарованное богом.

«Оля, я не могу забыть тебя теперь, совсем не могу. Хочешь, я все объясню Лере и уйду к тебе. Ведь я должен принадлежать тебе, почему ты не хочешь этого понять? Разве ты не любила меня в эти две волшебные ночи? Ну скажи, ведь ты была так искренна. Оля, прошу тебя, подумай».

«Нет, Миша. Об этом не может быть и речи. Не вздумай ничего рассказывать Лере. Я все равно не буду твоей. Только испортишь ей жизнь, себе и Антошке. Пусть все останется как есть. Да, я была искренна, мне хотелось твоей любви, но не навсегда. Прости, но я ничего не могу с собой поделать».

Больше между ними никаких объяснений не было. Все встало на свои места, и Лера ни о чем не догадывалась. Оля была в этом уверена. Она знала характер своей подруги, та бы ни за что не стала молчать, если бы заподозрила или узнала что-то.

И вот теперь жизнь преподнесла ей очередной сюрприз. И хоть она была рада в глубине души, что у нее будет ребенок, ее волновала мысль о том, как и что она скажет Ашхабадовым.

Не выйдет ли из этого скандала и беды. Как объяснить Лере, от кого этот ребенок? А Михаил? Вдруг он не выдержит и начнет настаивать на своем праве на него, что тогда? Бедная Лерка, она этого не переживет!

И тут ее тяжелые мысли прервал телефонный звонок. Это была Лера.

«Олька, танцуй! Тебе письмо от Антонио! Беги скорее к нам, будем читать, мы без тебя не открываем!»

Оля почувствовала легкое головокружение и ощутила сильные горячие толчки, пульсирующие у ее висков. Она положила трубку и села на диван.

«Боже мой, неужели это правда?» – она боялась этому поверить. – «Надо пойти прочитать сначала. Неизвестно еще, что он ответил. Может просто дежурный привет и масса наилучших пожеланий».

Но письмо оказалось очень теплым, большим и подробным. Антонио описал историю его взлета, рассказал о том, какая напряженная, полная событий жизнь у него теперь. И еще очень по-дружески он сообщил своим приятелям, что крайне рад их письму, рад за Майкла и Леру, замечательную пару с его точки зрения, и счастлив, что нашлась Оля, которую он до сих пор не может забыть.

Для Оли в письмо была вложена отдельная открыточка: голубой небесный простор и белый голубок, красиво в этом небе парящий. Внизу надпись «Remember you». Ольга бережно взяла открытку и прочитала:

«Оля, я имею пару недель свободного времени в конце апреля. Хочешь, я приеду в Москву? Очень хочу увидеть тебя. Позвони мне пожалуйста. С любовью, Антонио»

«Ольга, немедленно звони ему, собирайся и езжай. Даже не раздумывай!» – как всегда четко и определенно заявила Лера. Она была очень рада за подругу и желала ей счастья. Михаил поддакнул, и полностью согласился с женой.

Оля ушла к себе и в тот же вечер заказала телефонный разговор с Майями. Разговор дали уже под утро, но Антонио не оказалось на месте. Пришлось перенести на дневное время, чтобы попытаться застать его ночью. Тут ей повезло.

Он ответил красивым, немного уставшим голосом по-английски. Оля растерялась и не знала, как начать разговор. Он снова что-то спросил, и тут она ответила:

«Антонио, здравствуй. Это Оля. Я получила твою открытку и вот, звоню».

Он помолчал немного, наверное тоже растерялся. Потом вдруг радостно и очень быстро заговорил по-английски, потом засмеялся и перешел на русский, стал красиво говорить со своим неповторимым акцентом:

«Любимая Оля, здравствуй! Девочка моя, как я рад тебя слышать. Какие вы молодцы, что нашли меня. Я никогда тебя не забывал, никогда! Я так хочу нашей встречи. Когда мне приехать?»

«Завтра», – ответила Ольга, и сама не поверила своей такой излишней смелости.

«Хорошо, завтра же я оформлю визу и куплю билет на ближайший рейс в Москву. Дай мне пожалуйста свой телефон, я позвоню тебе и скажу, когда я прилетаю. У тебя не будет трудностей с приездом?» – спросил он, и Ольга молча покачала головой.

«Нет, никаких трудностей у меня не будет. Обещаю, что встречу тебя в аэропорту».

* * *

Антонио прилетел на три дня. Казалось, он был безмерно рад встрече. Он долго целовал Олю, обнимал и постоянно говорил ласковые красивые слова, от которых у нее кружилась голова.

«Ты стала еще красивее. Как ты живешь, почему не замужем?» – спрашивал он, держа ее руку в своей и пытаясь заглянуть в глаза.

«А ты? Ты женат?» – спросила она в ответ.

«Нет, конечно. Я не могу быть женат. Или слава, или семья. Так что пока не до женитьбы», – ответил он беспечно, и Оля почему-то очень расстроилась в душе.

Но Антонио этого не заметил, он был в приподнятом настроении, веселый и озорной. Ему везде были открыты двери, казалось, он вообще не знал трудностей. Его улыбка буквально завораживала всех, и в гостинице «Космос» ему не задали ни одного вопроса по поводу того, кто это с ним в его номере и почему. Это ужасно удивило Ольгу, которая знала местные порядки и была уверена в том, что жить им придется в разных номерах.

Три дня пролетели очень быстро. Они гуляли по Москве, съездили в Измайлово, катались по Москва-реке на парходике. В Москве стояла чудесная весенняя погода, и они, влюбленные друг в друга, были непомерно счастливы.

Огорчали Олю только ночи. Она почему-то безумно стеснялась Антонио. Он казался ей таким знаменитым героем-любовником, в ногах у которого валяются звезды и мировые знаменитости, а она, неискушенная в любви провинциалка, что может дать ему, чем увлечь?

Она никогда не раздевалась в его присутствии, стесняясь своего не очень дорогого, а потому не очень красивого белья. Ей было безумно стыдно, что она не знает, что сказать в нужную минуту и как повести себя, чтобы выглядеть сексуальной и раскрепощенной, и даже не знала, что отвечать, когда Антонио ласкал ее и говорил удивительно красивые, нежные слова. Она молчала и только чуть-чуть улыбалась, чтобы дать ему понять, как она рада их слышать.

Но он не спрашивал ее ни о чем, он просто наслаждался ее присутствием, ее красотой и ее доступностью и любил ее так страстно и с таким чувством, что небо ей казалось в алмазах, а ощущения близости с ним чем-то волшебным и неповторимым.

Антонио удавалось развеять ее комплексы и чувство неполноценности, и Ольге становилось легче и приятнее. Но тогда страшная неизбежность расставания с ним вдруг подступала и ясно и отчетливо напоминала о себе. Время от времени она вспоминала о своей беременности, которую в этот раз она переносила намного легче. Эти мысли были особенно тягостными, и она гнала их от себя. Но этого она ему не объясняла, а лишь задумывалась часто, поэтому казалась грустной и молчаливой. Антонио, казалось, ее грусти не замечал и лишь повторял слова любви.

«Оля, я очень люблю тебя. Ты моя принцесса, и ты всегда будешь со мной, в моем сердце», – сказал он ей в последний день.

Она грустно улыбнулась и ответила:

«Знаешь, мне этого мало. Я превратилась в ледышку, пока ждала этой встречи с тобой все эти годы. Теперь я снова тебя теряю. Как я теперь буду жить?»

«Милая моя, Оленька. Я обязательно буду приезжать, я подумываю о турне по Союзу, когда это станет возможным. Я же здесь учился, надеюсь, мне удастся это организовать. Вот тогда ты можешь быть со мной постоянно, везде. Москва, Ленинград, Рига, Вильнюс, Таллин – это мой план концертов. Примерно, недели три. Ты сможешь, ведь правда?»

«Я не знаю, Антонио. Это не так просто, как тебе кажется. За мной, наверное, и сейчас следят и уже выясняют, кто я и откуда. Ты ведь знаешь наши порядки».

«Ну а можно я буду тебе писать и звонить? Это ведь, надеюсь, не навредит тебе или твоему отцу?»

«Мне нет, а отцу не знаю. Скоро станет ясно. Но ты не переживай. Я тоже очень люблю тебя и не хочу отказываться от счастья быть с тобой рядом только потому, что это не нравится кому-то».

Он обнял ее и сказал: «Закрой глаза».

Она выполнила его просьбу и ощутила у себя на шее что-то тяжелое и холодное. Он осторожно приподнял ее и подвел к трюмо со словами: «Теперь смотри».

Ольга открыла глаза и глянула в огромное сверкающее зеркало. На ее голой, длинной и красивой шее красовалось кольцо с крупным сапфиром в центре и россыпью бриллиантиков по бокам.

«Ты с ума сошел! Это настоящие?!» – спросила наивно Ольга и уставилась на него своими огромными сапфировыми глазами.

«Ну может, не такие настоящие, как твои драгоценные глаза, но очень похожи. Посмотри, цвет один к одному. Я специально выбрал сапфир, я помнил цвет твоих глаз».

«А я тебе матрешку купила в подарок, теперь и дарить как-то неудобно», – сказала Ольга и покраснела.

«Ну что ты. Вот тульский самовар было бы неудобно, его везти сложно, а матрешка в самый раз. Я свои уже все раздарил, они очень популярны в Америке. У меня ни одной не осталось, а самовар есть. Давай ее сюда, отличный подарок!»

Матрешка и вправду была замечательная, двадцать четыре куколки были изумительно разрисованы и настолько красочны! А первая и последняя изумляли своими размерами: одна размером с графин для воды, а вторая с арбузное зернышко.

«Оля, я знаю, что это очень дорогая вещь, но теперь ей вообще цены нет, потому что она от тебя. Спасибо. Ты правильно угадала».

Он подошел, обнял ее и нежно поцеловал, а затем сказал:

«Не грусти, хорошо. Я буду помнить о тебе всегда. Ты очень красивая, я таких больше не видел, и ты обязательно будешь счастлива, а я нет, так как не смогу быть с тобой. И это единственная и самая большая потеря в моей жизни, так как остальное мне все доступно».

Ольга не понимала, почему она не доступна ему.

«Мог бы, мог бы, если бы хотел», – думала она, но вслух сказала: – «И ты самая большая моя потеря. Я почему-то не могу больше полюбить никого, и мне никто не интересен. Плохо, правда?»

«Хорошо, почему же плохо? Но я не эгоист, Оленька. Я счастлив, что ты тоже любишь меня, но пойми, тебе нужна пара в жизни. Я не вариант, я пропащий в семейном плане человек и где-то несчастный, но мое несчастье не должно отражаться и на тебе. Ты достойна самого большого счастья. В Америке тебе проходу бы не дали, куда здесь мужчины смотрят?»

«Мужчины смотрят на тех, кто на них смотрит, а я для них пустое место, как и они для меня. Вот и весь секрет».

Антонио этого не понимал. Он знал, как легко и совершенно просто завоевать женщину, практически любую. К Оле он относился по-особому. Его трогала ее чистота, наивность и невинность. Он прекрасно понимал, какую замечательную пару она могла бы составить ему, будь все немного проще в его жизни.

Но сейчас он думал и мечтал только о славе, а слава и семья – вещи несовместимые. Он хотел быть звездой, недостижимой и неповторимой, а для такого имиджа бытовые семейные устои большая помеха. Звезду должны любить все, и все должны ей поклоняться, а если у звезды есть половина, то это намного роняет кумира в глазах поклонников, так как в этом случае это уже не звезда, а самый обыкновенный простой семейный человек, который просто хорошо поет в перерывах между своими семейными заботами.

Нет, Антонио не хотел уз, ему нужен простор, свобода, полет. Ничего приземленного, обыденного и общедоступного. Любить всех и никого, приближать к себе избранных и отталкивать их по собственному желанию, быть неповторимым, единственным, недостижимым! Вот его жизненные устремления, и Оля никак не вписывалась в этот звездный круг, хотя он нежно и трогательно любил ее, эту синеглазую, доверчивую, искреннюю девочку. И это тоже его тайна, его достояние, которое больше не доступно никому.

Они расстались в очередной раз. Оля горько плакала в аэропорту и просила не оставлять ее, она умоляла Антонио остаться с ней, хотя прекрасно понимала, что это совершенно

невозможно, она теряла чувство реальности и спрашивала, где здесь касса, чтобы купить билет в Америку. Ей было плохо, очень плохо, и она не знала, как с этим справиться.

Антонио волновался за нее. Он бережно гладил ее, вытирал слезы, целовал ее огромные испуганные глаза и повторял:

«Оля, я не умираю, я просто уезжаю, на время. Прошу тебя, не плачь. Девочка моя синеглазая, ты должна научиться расставаться со мной, нам это придется делать еще не один раз».

Ему удалось ее успокоить немного, и тут объявили регистрацию и посадку. Он ушел, растворился в толпе и опять исчез из ее жизни, такой любимый, красивый, недостижимый.

Оля тут же пришла в себя, взяла себя в руки. Она оглянулась по сторонам, тяжело вздохнула и покинула место расставания со странным чувством облегчения на душе, как будто как раз этого только ей и не доставало.

Дома в аэропорту ее встретили Ашхабадовы. Антошка радостно запрыгал вокруг нее, и тут Ольга заметила поразительное сходство Антошки с Антонио. У нее заныло сердце. Первый раз за все это время она ощутила страшный прилив чувств к этому ребенку, своему ребенку. Она схватила его на руки и стала крепко целовать, совсем по-матерински, как никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.